

Ф. де Ларошфуко

Мемуары. Максимы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Ф11

Ф11 **Ф. де Ларошфуко**
Мемуары. Максимы / Ф. де Ларошфуко – М.: Книга по Требованию, 2023. – 295 с.

ISBN 978-5-458-28904-7

Франсуа де Ларошфуко (1613—1680) французский писатель-моралист, мастер психологического анализа и превосходный стилист, оставил в наследство потомкам глубокие, не утратившие актуальности даже спустя три с лишним столетия философские размышления о человеческих пороках и добродетелях. Лаконичный отточенный язык и великолепная афористическая форма превратили его максимы в вершину публицистической прозы.

ISBN 978-5-458-28904-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Франсуа VI де Ларошфуко. Портрет работы А. Сандоза.

МЕМОАРЫ

I

(1624—1642)

Последние годы правления кардинала Мазарини я провел не у дел, на что обыкновенно обрекает опала; тогда я описал те волнения времен Регентства,¹ которые произошли у меня на глазах. Хотя участь моя изменилась, досуга у меня несколько не меньше: я захотел использовать его для описания более отдаленных событий, в которых по воле случая мне нередко приходилось участвовать.

Я вступил в свет незадолго до опалы королевы-матери, Марии Медичи.² Король Людовик XIII,³ ее сын, отличался слабым здоровьем, к тому же преждевременно подорванным чрезмерным увлечением охотой. Недомогания, которыми он страдал, усиливали в нем мрачное состояние духа и недостатки его характера: он был хмур, недоверчив, нелюдим; он и хотел, чтобы им руководили, и в то же время с трудом переносил это. У него был мелочный ум, направленный исключительно на копание в пустяках, а его познания в военном деле приличествовали скорее простому офицеру, чем королю.

Правил государством кардинал Ришелье,⁴ и своим возвышением он был обязан лишь королеве-матери. У него был широкий и пронзительный ум, нрав — крутой и трудный; он был щедр, смел в своих замыслах, но вечно дрожал за себя. Он задумал укрепить власть короля и свою собственную, сокрушив гугенотов и знатнейшие фамилии королевства, чтобы затем напасть на Австрийский царствующий дом и сломить могущество этой столь грозной для Франции державы. Все, кто не покорялись его желаниям, навлекали на себя его ненависть, а чтобы возвысить своих ставленников и сгубить врагов, любые средства были для него хороши. Страсть, которая издавна влекла его к королеве,⁵ превратилась в озлобленность против нее. Королева чувствовала к нему отвращение, а ему казалось, что у нее были другие привязанности. Король был от природы ревнив, и его ревности, поддерживаемой ревностью Кардинала, было бы совершенно достаточно, чтобы восстановить его против коро-

левы, даже если бы бесплодие их супружества и несходство характеров не способствовали тому же. Королева была привлекательна; ей были присущи мягкость, доброта, обходительность; в ее характере и уме не было и тени притворства и при всей своей добродетельности она тем не менее не почитала себя оскорбленной вниманием поклонников. Ее и г-жу де Шеврез⁶ издавна связывало все то, что сближает два существа одного возраста и одинакового образа мыслей. Эта близость породила столь важные события, что я считаю необходимым сообщить здесь о некоторых из них, происходивших до того времени, о котором я буду рассказывать.

Г-жа де Шеврез была очень умна, очень честолюбива и хороша собой; она была любезна, деятельна, смела, предприимчива. Она умело пользовалась всеми своими чарами для достижения своих целей и почти всегда приносила несчастье тем, кого привлекала к осуществлению их. Ее полюбил герцог Лотарингский, и всякому хорошо известно, что в ней — первейшая причина несчастий, которые столь долго претерпевали и этот государь и его владения.⁷ Но если дружба г-жи де Шеврез оказалась опасной для герцога Лотарингского, то близость с нею подвергла не меньшей опасности впоследствии и королеву.

Двор находился в Нанте; в ближайшем будущем ожидалось бракосочетание Месье⁸ с м-ль де Монпансье. Эти дни, предназначенные, казалось бы, для радости и веселья, были омрачены делом Шалэ.⁹ Он вырос в ближайшем окружении короля и был его главным гардеробмейстером; внешность Шалэ и его ум были отменно приятны, и он был чрезвычайно привязан к г-же де Шеврез. Его обвинили в том, что он умыслил на жизнь короля и предложил Месье отказаться от намеченного брака, чтобы затем, вступив на престол, жениться на королеве. Хотя это преступление не было в полной мере доказано, Шалэ отрубили голову. Кардиналу, желавшему припугнуть королеву и дать ей почувствовать, что не следует пренебрегать его страстью, не доставило особых усилий убедить короля, будто она и г-жа де Шеврез знали об умысле Шалэ, и достоверно известно, что при этом убеждении король оставался до конца своих дней.

Были и другие причины, восстановившие короля и Кардинала против королевы и г-жи де Шеврез. Во Францию прибыл граф Голландский,¹⁰ чрезвычайный посол Англии, для переговоров о браке короля, своего повелителя, с Мадам,¹¹ сестрой короля. Граф Голландский был молод, очень красив, и он понравился г-же де Шеврез. Во славу своей страсти они вознамерились сблизить и даже толкнуть на любовную связь королеву и герцога Бекингема,¹² хотя те никогда друг друга не видели. Осуществить подобную затею было нелегко, но трудности не останавливали тех, кому предстояло играть в ней главную роль. Королева была такова, какую я ее описал; герцог Бекингом был любимцем короля Англии, молодой, щедрый, отважный, с несравненной внешностью. Г-жа де Шеврез и граф Голландский нашли со стороны королевы и герцога Бекингема

полнейшую готовность, какую только могли пожелать, пойти им навстречу. Герцог Бекингем склонил английского короля послать его во Францию своим представителем, дабы заключить брачный союз с Мадам от имени своего государя, и прибыл с большей пышностью, бóльшим величием и великолепием, чем если бы то был сам король. Королева показала ему еще привлекательнее, чем он мог вообразить, а он показался королеве достойным любви, как никто на всем свете. Первой встречей на церемонии его представления они воспользовались, чтобы поговорить о делах, занимавших их неизмеримо живее, чем дела обеих корон, и были поглощены лишь заботами своей страсти. Это счастливое начало вскоре было омрачено. Герцог Монморанси¹³ и герцог Бельгард,¹⁴ верные поклонники королевы, оказались теперь в пренебрежении; и хотя французский двор был великолепен, его в одно мгновение затмил своим блеском герцог Бекингем. Такое поведение королевы уязвило гордость кардинала Ришелье и возбудило его ревность, и он постарался как можно сильнее восстановить против нее короля. Теперь думали лишь о том, чтобы поскорее заключить брак и, таким образом, вынудить герцога Бекингема уехать из Франции. А он, сколько мог, оттягивал свой отъезд и, пользуясь своими привилегиями посла, искал встреч с королевой и нисколько не считался с неудовольствием короля. Больше того, однажды вечером, когда двор находился в Амьене, а королева одна прогуливалась в саду, он вместе с графом Голландским проник за ограду и затем вошел в павильон, где она прилегла отдохнуть. Они оказались с глазу на глаз. Герцог Бекингем был смел и предприимчив. Случай ему благоприятствовал, и он попытался его использовать, выказав столь мало почтительности по отношению к королеве, что ей пришлось позвать своих дам, которые не могли не заметить некоторое ее смущение и даже беспорядок, в каком оказался ее туалет. Немного спустя герцог Бекингем удалился, страстно влюбленный в королеву и нежно любимый ею. Он расставался с нею, обрекая ее на ненависть короля и бешенство Кардинала, и понимал, что они разлучаются навеки. Наконец, он уехал, так и не добившись возможности переговорить с королевою наедине, но, охваченный порывом, который может извинить только любовь, возвратился в Амьен назавтра после своего отъезда без всякого повода и в крайней поспешности. Королева была в постели; он вбежал в ее комнату и, обливаясь слезами, пал на колени пред нею и взял ее руки в свои. Королева была растрогана не меньше его. Наконец, графиня Ланнуа, статс-дама королевы, приблизилась к герцогу Бекингему и распорядилась принести ему кресло, сказав, что не принято беседовать с королевою, стоя перед ней на коленях. Графиня присутствовала при окончании их разговора, который длился недолго. Герцог Бекингем, выйдя от королевы, вскочил в седло и возобновил свой путь в Англию. Легко представить себе, какие толки породил при дворе его столь необыкновенный поступок и какие возможности для усиления неприязни короля к королеве подарил он Кардиналу.

Таково было положение дел, когда королева Английская отправилась к королю, своему супругу. Сопровождали ее герцог¹⁵ и герцогиня Шеврез. Церемония встречи доставила герцогу Бекингему столь желанный для него случай показать себя и управляемое им королевство во всем блеске великолепия, и он принял г-жу де Шеврез с почестями, какие мог бы воздать столь любимой им королеве. Герцогиня Шеврез вскоре покинула двор английского короля и вместе со своим мужем герцогом вернулась во Францию; она была встречена Кардиналом как лицо, преданное королеве и герцогу Бекингему. Тем не менее он пытался привлечь ее на свою сторону и заставить служить ему, шпионя за королевой. Больше того, на какое-то время он даже поверил, что г-жа де Шеврез благосклонна к нему, но при всем этом, не очень полагаясь на ее обещания, принял и другие меры предосторожности. Он захотел принять их также и в отношении герцога Бекингема; и зная, что у того существует в Англии давняя связь с графиней Карлейль,¹⁶ Кардинал, разъяснив графине, что их чувства сходны и что у них общие интересы, сумел так искусно овладеть надменной и ревнивой душой этой женщины, что она сделалась самым опасным его соглядатаем при герцоге Бекингеме. Из жажды отомстить ему за неверность и желания стать необходимою Кардиналу она не пожалела усилий, чтобы добыть для него бесспорные доказательства в подтверждение его подозрений относительно королевы. Герцог Бекингем, как я сказал выше, был щеголем и любил великолепие: он прилагал много стараний, чтобы появляться в собраниях отменно одетым. Графиня Карлейль, которой было так важно следить за ним, вскоре заметила, что с некоторых пор он стал носить ранее неизвестные ей алмазные подвески. Она несколько не сомневалась, что их подарила ему королева, но чтобы окончательно убедиться в этом, как-то на балу улучила время поговорить с герцогом Бекингемом наедине и срезать у него эти подвески, чтобы послать их Кардиналу. Герцог Бекингем в тот же вечер обнаружил пропажу и, рассудив, что подвески похитила графиня Карлейль, устранился последствий ее ревности и стал опасаться, как бы она не оказалась способной переправить их Кардиналу и тем самым не погубила королевы. Чтобы отвести эту опасность, он немедленно разослал приказ закрыть все гавани Англии и распорядился никого ни под каким видом не выпускать из страны впредь до обозначенного им срока. Тем временем по его повелению были спешно изготовлены другие подвески, точно такие же, как похищенные, и он отправил их королеве, сообщив обо всем происшедшем. Эта предосторожность с закрытием гаваней помешала графине Карлейль осуществить задуманное, и она поняла, что у герцога Бекингема достаточно времени, чтобы предупредить выполнение ее коварного замысла. Королева, таким образом, избежала мщения этой расвирепевшей женщины, а Кардинал лишился верного способа уличить королеву и подтвердить одолевавшие короля сомнения: ведь тот хорошо знал эти подвески, так как сам подарил их королеве.

У Кардинала в то время зарождалось намерение разгромить партию гугенотов и обложить осадой Ла-Рошель. Эта война так пространно описана, что было бы бессмысленно задерживаться здесь на ее подробностях. Общеизвестно, что герцог Бекингем прибыл с сильным флотом, чтобы помочь Ла-Рошели, что он напал на остров Ре и, не овладев им, отступил после постигшей его неудачи; но далеко не все знают, что Кардинал обвинил королеву в том, будто это предприятие было задумано герцогом Бекингемом сообща с нею, чтобы принудить к заключению мира с гугенотами и доставить герцогу предлог возвратиться ко двору и свидеться с королевою. Эти замыслы герцога Бекингема оказались тщетными: Ла-Рошель была взята, а герцог убит вскоре после своего возвращения в Англию.¹⁷ Кардинал с жестокосердною прямою выражал свою радость по случаю его гибели; он позволил себе язвительные слова о скорби королевы и стал снова надеяться.

После взятия Ла-Рошели и разгрома гугенотов король отбыл в Лион для наведения порядка в итальянских делах и для оказания помощи Казале.¹⁸ Именно тогда, как мною указано выше, я вступил в свет;¹⁹ из итальянской армии, в которой был полковником Овернского полка, я возвратился ко двору и стал с некоторым вниманием подмечать происходившее у меня на глазах. Уже тогда говорили о размолвке между королевой-матерью и кардиналом Ришелье и предугадывали, что она должна повести к весьма значительным последствиям, но предугадать, чем это все завершится, было еще нелегко. Королева-мать поставила короля в известность, что Кардинал влюблен в королеву, его супругу. Это сообщение возымело действие, и король был им чувствительно задет. Больше того, казалось, что он расположен прогнать Кардинала и даже спросил королеву-мать, кого можно было бы поставить вместо него во главе правительства; она, однако, заколебалась и никого не решилась назвать, то ли опасаясь, как бы ее ставленники не оказались королю неприятны, то ли потому, что не успела договориться с тем, кого хотела возвысить. Этот промах со стороны королевы-матери явился причиной ее опалы и спас Кардинала. Король, ленивый и робкий, страшился бремени государственных дел и не желал потерять человека, способного снять с него этот груз. Кардинал же, получив в свое распоряжение достаточно времени и все необходимые средства, сумел рассеять ревность короля и оградить себя от происков королевы-матери. Однако, еще не чувствуя себя в силах сломить ее, он не упустил ничего, что могло бы поколебать ее положение. Она же, со своей стороны, сделала вид, что искренно помирилась с ним, но ненависть к нему затаила навсегда.

Вскоре после этого король занемог и настолько опасно, что все сочли его болезнь безнадежной. Королева-мать, видя, что он на краю могилы, задумала опередить Кардинала. Она приняла решение арестовать его, как только умрет король, и заточить в Пьер-Ансиз, поручив надзор за ним г-ну д'Аленкуру, коменданту Лиона.²⁰ Говорили, что Кардинал позднее

узнал от герцога Монморанси имена и суждения всех присутствовавших на созванном королевой и враждебном ему Совете и в дальнейшем обрушил на них те самые кары, каким они хотели подвергнуть его.

После выздоровления короля двор возвратился в Париж, и королева-мать, переоценив свое могущество, снова ополчилась на Кардинала в День Одураченных.²¹ Этот день получил такое название из-за произведенных им внезапных переворотов и притом тогда, когда влияние королевы представлялось наиболее незыблемым и когда король, чтобы быть ближе к ней и уделять ей больше заботы, поместился в особняке чрезвычайных послов близ Люксембургского дворца.²² Однажды, когда король затворился наедине с королевой, она опять стала жаловаться на Кардинала и объявила, что не может больше терпеть его у кормила государства. По-немногу оба собеседника начали горячиться, и вдруг вошел Кардинал. Королева, увидев его, не могла сдержать своего раздражения: она принялась упрекать его в неблагодарности, в предательствах, которые он совершил по отношению к ней, и запретила ему показываться ей на глаза. Он пал к ее ногам и пытался смягчить ее своею покорностью и слезами. Но все было тщетно, и она осталась непреклонной в своей решимости.

Молва об опале Кардинала распространилась немедленно. Почти никто не сомневался, что он окончательно низложен, и придворные устремились толпой к королеве-матери, чтобы разделить с ней ее мнимое торжество. Но когда стало известно, что король в тот же день уехал в Версаль и что туда же за ним последовал Кардинал, все стали раскаиваться в этом изъявлении своих чувств. Кардинал колебался, следует ли и ему туда ехать, но кардинал Лавалетт²³ убедил его не терять короля из виду и не останавливаться ни перед чем, чтобы выстоять. Королеве советовали сопровождать короля и не оставлять его в таких обстоятельствах наедине с его собственной неуверенностью и лукавыми уловками Кардинала, но боязнь томиться в Версале от скуки и жить там без привычных удобств оказалась для нее непреодолимым препятствием, и столь разумный совет был ею отвергнут. Кардинал ловко воспользовался таким положением дел и, овладев волею короля, заставил его согласиться на опалу королевы-матери. Немного спустя она стала узницей, и ее бедствия длились до конца ее дней.²⁴ Они достаточно хорошо известны, равно как и то, что в своем падении она увлекла за собой большое число знатных особ: великий приор Вандом²⁵ и маршал Орнано²⁶ умерли в тюрьме несколько раньше; герцог Вандом²⁷ все еще пребывал в заключении; принцесса Конти²⁸ и герцог Гиз,²⁹ ее брат, были изгнаны; маршал Бассомпьер³⁰ отправлен в Бастилию; маршалу Марийаку³¹ отрубили голову; его брата,³² хранителя печати, отстранили от должности, чтобы передать ее г-ну де Шатонефу.³³ Мятеж Месье³⁴ привел на эшафот герцога Монморанси; хранителя печати де Шатонефа, которого отец герцога, коннетабль Монморанси,³⁵ взрастил как своего пажу, принудили стать судьей герцога; вскоре после этого и сам де Шатонеф был брошен в тюрьму, тогда как

г-жа де Шеврез была сослана в Тур,³⁶ причем ни за тем, ни за другою не было никакой вины, кроме близости к королеве и того, что они вместе с ней позволяли себе колкие насмешки над Кардиналом. Герцог Бельгард, главный шталмейстер, последовал за Месье. Мой отец подвергся, как и бóльшая часть двора, преследованиям со стороны Кардинала: его заподозрили в том, что он привержен Месье, и он получил приказание удалиться в одно из принадлежавших ему поместий, находившееся недалеко от Блуа.

Столько пролитой крови и столько исковерканных судеб сделали правление кардинала Ришелье ненавистным для всех. Мягкость регентства Марии Медичи была еще памятна каждому, и все вельможи королевства, видя себя поверженными, считали, что после былой свободы они впали в рабство. Я был воспитан в подобных воззрениях, и то, о чем я говорил выше, меня еще больше в них укрепило; владычество кардинала Ришелье показалось мне вопиющей несправедливостью, и я решил для себя, что партия королевы — единственная, к которой по долгу чести мне подобает примкнуть. Королева была несчастлива и гонима, и любовная страсть, которую испытывал к ней Кардинал, оборачивалась для нее нестерпимыми притеснениями. Ко мне она относилась с большой добротой и дарила меня знаками своего уважения и доверия. Я состоял в тесной дружбе с м-ль де Отфор,³⁷ очень юной и наделенной пленительной красотой; отменно добродетельная и бесконечно преданная своим друзьям, она была очень привязана к королеве и ненавидела Кардинала. Король, по-видимому, влюбился в нее, едва она вышла из детского возраста, но так как эта любовь нисколько не походила на обычную мужскую любовь, он ни разу не позволил себе покуситься на целомудрие юной девицы. Его настойчивое внимание доставило ей в большей мере добрую славу, чем осязательные блага, и он больше выказывал ей свою страсть длительным и тягостным для нее ухаживанием и вспышками ревности, чем милостями, которые ей расточал. Она с полным доверием делилась со мною всеми своими заветными чаяньями и мыслями, хотя я был еще очень молод; она же убедила королеву ничего не скрывать от меня. М-ль де Шемро,³⁸ фрейлина королевы, была также очень молода и восхитительно хороша; при этом прелесть ее ума влекла к ней не менее ее красоты. Она отличалась веселым, живым и задорным нравом, но ее насмешки всегда бывали тонкими и мягкими. Королева ее любила; м-ль де Шемро поддерживала особенно тесную дружбу с м-ль де Отфор и со мною и тем самым содействовала укреплению еще большей близости между нами.

Итак, было бы достаточно и гораздо менее веских оснований, чтобы ослепить человека, еще почти ничего не успевшего повидать, и повести его по пути, который обрек его стольким невзгодам. Мое поведение вскоре навлекло на меня неудовольствие короля и Кардинала, и отсюда пошла длинная череда опал, сделавших мою жизнь столь беспокойной и нередко побуждавших меня принимать в крупных событиях участие не в пример

большее, нежели то, какое обычно отводится в них частным лицам. Но так как я не притязую писать историю и намерен говорить о себе лишь тогда, когда это будет иметь прямое отношение к людям, с которыми я был связан общностью стремлений и дружбой, то и касаться я буду только того, в чем был лично замешан, поскольку все остальное общеизвестно.

В 1635 году последовало объявление войны королю Испании,³⁹ и маршалы Шатильон⁴⁰ и Брезе⁴¹ вступили во Фландрию во главе двадцатитысячной армии, дабы соединиться с принцем Оранским,⁴² который начальствовал над голландцами. Он стал главнокомандующим, и эти два корпуса, вместе взятые, насчитывали более сорока тысяч человек. Еще до этого соединения армия короля выиграла битву при Авене⁴³ и разгромила испанские войска под командованием принца Томазо.⁴⁴ Несколько молодых людей из знатных семейств приняли участие в этом деле как волонтеры; я был в их числе. Столь блистательная победа вызвала зависть принца Оранского и внесла разлад между ним и маршалами Шатильоном и Брезе. Вместо того, чтобы извлечь выгоду из такого значительного успеха и поддержать свою добрую славу, он распорядился разграбить и сжечь Тирлемон, чтобы тем самым покрыть позором оружие короля и запятнать его ненужной жестокостью; он осадил Лувен, не имея намерения его захватить, и настолько ослабил французскую армию непрерывными тяготами и нехваткой во всем, что к концу похода она оказалась неспособной самостоятельно возвратиться тем же путем, каким прошла ранее, и была вынуждена вернуться морем. Я вернулся вместе со всеми находившимися при ней волонтерами, и мое пребывание среди них принесло им несчастье, ибо нас всех прогнали из армии под предлогом, что мы слишком вольно говорили о происходившем во время похода; но основною причиною этого было желание короля доставить себе удовольствие, огорчив моим удалением от двора королеву и м-ль де Отфор.

Второй год этой войны подал врагам Кардинала множество поводов осуждать его образ действий. Объявление войны и намерение сокрушить Австрийский царствующий дом, с давних пор лелеемое этим столь великим правителем, вообще рассматривали как нечто дерзкое и сомнительное, а теперь все это представлялось и вовсе безумным и пагубным. Было известно, что испанцы, не встретив сопротивления, взяли Капель, Катле и Корби и что остальные пограничные крепости снабжены и укреплены несколько не лучше; что войска слабы и плохо дисциплинированы; что не хватает пороха и артиллерии; что неприятель вступил в Пикардию и ему открыт путь на Париж. Изумлялись и тому, как мог Кардинал столь легкомысленно поставить на карту величие короля и безопасность государства, не предусмотрев всех этих бедствий, и тому, что уже на второй год войны у него остался единственный выход — созвать ополчение. Эти слухи, распространившись по всему королевству,